ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 17

ВТОРОЙ СЕЗОН

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 17

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 17 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026

Как говорится, наступил на грабли — наслаждайся фейерверком. И Серега Епиходов прочувствовал это на собственной шкуре. Сначала все шло хорошо: враги повержены, справедливость восторжествовала, друзья и близкие устроили свою жизнь. Можно наконец расслабиться и получать удовольствие.Но вот дальше у Сергея Епиходова все пошло совсем не по плану. Впрочем, а когда у него бывало иначе?

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Фонд А., Данияр Сугралинов
Двадцать два несчастья. Книга 17

Глава 1

В Москву я уехал наутро после звонка Терновского, особо ни с кем не прощаясь, так как собирался буквально через пару дней вернуться. Что там особенного? Всего-то встретиться, выслушать да и все на этом, потому что бросать санаторий, мое детище, я совершенно не собирался. По крайней мере, сразу.

Уже у машины меня перехватила Таисия, правда, ненадолго: ее ждали ванны, а строгая Диана опозданий не прощала никому, а уж тем более телезвезде.

— Эх ты, Сережа… — грустно улыбаясь, покачала головой Таисия. — Я к тебе из Москвы, а ты от меня — в Москву. Кто же так делает?

— Самому неловко… — сказал я и не нашелся, что добавить, поэтому просто обнял ее.

Она прижалась ко мне, отстранилась и пожелала:

— Ни пуха!

И побежала на процедуры. А я, когда выходил, заметил подъезжающую «Газель»: прибыли художники Алисы. Надеюсь, успею вернуться к открытию выставки.

Дорога заняла весь день: сначала машиной до Казани, потом ожидание рейса и самолет до Москвы, так что только в десятом часу вечера я добрался до Таганки и открыл своим ключом квартиру Алены Петровны, вдовы Вадима Бехтерева, моего товарища и соавтора в прошлой жизни.

С моего приезда после Нового года квартира все так же стояла пустая. Алена Петровна, активно окунувшись в жизнь санатория, пока возвращаться не торопилась.

Приняв душ, я завалился спать.

А следующим утром подошел к воротам особняка в переулке за Пречистенкой. Там меня уже ждал нетерпеливо вышагивающий взад-вперед Борька Терновский.

— Епиходов! — сварливо сказал он вместо приветствия и взял меня под локоть. — Я тебя знаю, ты в своих Морках уже корни пустил, поэтому давай-ка договоримся на берегу. Что бы они тебе ни предложили, сразу не отказывайся, понял? Выслушай, покивай, возьми бумаги. Отказаться успеешь потом, по телефону.

Невзирая на ворчливый тон, видно было, что он рад меня видеть.

— А если сразу решу согласиться? — спросил я.

— Только после того, как я прочитаю все, что у них в бумагах будет написано, — отрезал он. — Я тебе научный руководитель или кто? Меня, между прочим, так и позвали: приходите с вашим аспирантом. И вот что я тебе скажу, Сергей: за такое я в твои годы отдал бы руку без колебаний!

— Только руку? Меня как раз и смущает, что дают так много, Борис Альбертович, — сказал я. — Посмотрим, что попросят взамен.

Он хмыкнул, и мы вошли.

Нас провели на второй этаж, в переговорную с длинным столом. У дальнего края сидела девушка с ноутбуком, ближе к нам — женщина с «Молескином», а у окна стояли двое мужчин лет шестидесяти-семидесяти.

Одного из них я узнал со спины, по узким плечам и длинной шее над свободно сидящим костюмом: на дне рождения Таисии он точно так же простоял весь вечер у окна. Как Таисия выяснила у своего агентства только на этой неделе, провели его туда как представителя фонда. Того самого, который и прислал нам с Терновским приглашение на встречу.

Этот сухой мужчина обернулся и представился:

— Ремизов Аркадий Семенович. Здравствуйте, Борис Альбертович. Сергей Николаевич, спасибо, что приехали. Это официальная встреча, протокол ведет моя помощница. Со мной Матвей Львович Долматов, он возглавляет медицинский совет программы, и Вера Павловна Чернецкая, она у нас отвечает за финансирование и договоры.

Прислушавшись к его голосу, я окончательно утвердился в мысли, что это он звонил мне, когда я был на свадьбе Елисея.

Ремизов Аркадий Семенович, 57 лет

11-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Заинтересованность.

Сокрытое: Расчет.

Биологический возраст: 61 год.

Удивительно. У него был одиннадцатый уровень — как у Таисии, которую знает вся страна. Вот только этого человека на ее празднике не узнал никто!

Долматов шагнул ко мне первым и крепко пожал руку. Невысокий, полный, в очках, которые сползали на нос.

— Очень рад, Сергей Николаевич, — сказал он. — О вашем разборе, ха-ха, на ученом совете мне рассказали в таких подробностях, что я, считайте, там лично присутствовал! Как лихо вы тогда разгромили этого черта Лысоткина!

Высокая Чернецкая, с седой прядью в тяжелых темно-русых волосах, сдержанно кивнула мне, не вставая, и положила ручку рядом с блокнотом.

— Все скучное сегодня на мне, — сухо сказала она. — Договоры и деньги. Но это потом.

Мы сели: Терновский рядом со мной, Долматов с Чернецкой напротив. Ремизов устроился сбоку, чтобы видеть всех. Перед каждым стоял стакан с водой. Свой я проверил «Природой веществ» — вода оказалась обычной, без примесей.

— По итогам нашего разговора мы подготовим материалы для Геннадия Аркадьевича Бережкова, — сказал Ремизов. — Он курирует программу наверху и докладывает лично… — Он указал пальцем в потолок. — Короче говоря, решение о назначении будет приниматься с его участием. Сегодня его нет, и это правильно: сначала мы должны понять друг друга.

Имя Бережкова мне ничего не сказало, зато Терновский рядом перестал двигаться и, кажется, даже дышать, и этого мне вполне хватило, чтобы сделать первые выводы.

— Не буду растекаться мыслью по древу, — продолжил Ремизов. — После известных событий в институте, где работал Лысоткин, у программы не осталось научного руководителя, которого можно показать людям. Профессор Лысоткин был научным лицом программы. Больше он таковым не будет. Нам нужен человек с результатом в области анти-эйджа, с именем и с репутацией. И, что важно, такой человек у нас есть, и он сидит за этим столом.

О том, что Лысоткина уже нет в живых, он не сказал ни слова, и я промолчал тоже.

— Слушаю вас, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал также бесстрастно.

— Наш фонд предлагает вам институт, Сергей Николаевич, — сказал Ремизов. — Отдельную структуру при программе, со своей клинической базой на двести коек. Лабораторный корпус уже стоит под крышей со всем необходимым оборудованием. Штат наберете сами, по своему списку. Финансирование получите на пять лет вперед, одной строкой, без ежегодных заявок.

— Без заявок? — переспросил Терновский.

— Полностью без заявок, Борис Альбертович, — ответил Ремизов. — Деньги на пять лет будут на счете института с первого дня. Вы будете работать, а не ходить по кабинетам за реактивами.

Терновский шумно вдохнул, ведь о такой сказке он даже мечтать никогда не смел.

— Чей это будет институт? — спросил я. — Юридически.

— Учреждение программы, учредитель — фонд, — ответила Чернецкая вместо Ремизова. — Договор по финансированию веду я.

— А протоколы исследований кто будет утверждать? — спросил я.

— Медицинский совет, — ответил Долматов. — То есть я и еще четыре человека. Познакомитесь с ними, когда будет что утверждать. Этический комитет при институте будет свой.

— А лаборатория? — вмешался Терновский. — Своя, с аккредитацией, или опять хороводы с подрядчиками, которые то пробирки теряют, то сроки бесконечно переносят?

— Лаборатория обязательно будет своя, причем полностью автономная, — ответил Долматов. — Корпус стоит, вот только оснащения в нем пока нет. Список оборудования, Борис Альбертович, составите сами, если Сергей Николаевич вам это поручит.

Даже так… Они ставят меня выше Терновского, а тот и глазом не моргнул. Вместо этого Борька прям-таки засветился. Так-так…

— Что насчет публикаций? — спросил я. — Можно ли делать это открыто, в журналах, а не только в отчетах фонду? Выступать на научных конференциях с докладами по работе?

— После регистрации результата — как везде, — сказал Ремизов. — До регистрации — по согласованию с советом.

— Регистрации чего? — уточнил я. — Заявки, препарата, отчета?

— Того, что мы с вами назовем результатом в соглашении, — обтекаемо ответил Ремизов. — Но соглашения еще нет, поэтому разговор преждевременный.

Ответа в этом не было. Открытым оставалось главное: смогу ли я напечатать статью, когда заявка подана, или публикацию будут держать до конца испытаний, то есть годами, а может и навсегда?

— Кого мы будем лечить? — спросил я то, что волновало меня больше лаборатории.

— Для исследования — тех, кого отберет протокол, — ответил Долматов и отвел взгляд. — А про лечение рано говорить, Сергей Николаевич, пока нечем лечить. Сначала проверим, есть ли чем.

Пока они отвечали, я уже раскладывал людей по группам. Выходило так: в мое исследование войдет человек четыреста… В Морках у меня этого не будет и через десять лет, потому что там у меня двадцать стариков из моркинского пансионата и ни одной своей пробирки. Утрирую, конечно, но суть ясна. Поймав себя на том, что уже мысленно строю исследование, я все равно не остановился, потому что то, что мне предлагали, — это совсем другой уровень. На таком результата добиться будет в сотни раз проще, чем…

— Вы, Сергей Николаевич, ученик академика Епиходова, — сказал Ремизов, сбивая меня с мысли. — Мы предлагаем вам довести до конца то, что он не успел.

Не успел — это было правдой. Я действительно не успел, потому что в прошлой жизни поверил не тем людям, и слушать о себе в прошедшем времени было тяжело. Но задело другое: если эти люди и есть инициаторы заговора Лысоткина, Михайленко и Ирины, хотелось заорать им в лицо: какого хрена вы не пришли со своим институтом сразу ко мне?

Тем временем, приняв мою задумчивость за сомнения, в дело вступил Долматов. Однако он не стал заманивать плюшками, а заговорил о том, что больше волновало их самих.

— Прежде чем говорить о назначении, — сняв очки, сказал он, — я хотел бы понять, что именно вы получили, Сергей Николаевич, от академика Епиходова. Не в терминах телеэфира, а в тех, которые я смогу проверить.

Вот теперь я посмотрел через Систему и на него.

Долматов Матвей Львович, 70 лет

13-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Исследовательский интерес.

Биологический возраст: 76 лет.

Долматов устроил мне защиту прямо за этим столом: как велось наблюдение, что взяли за первичный показатель…

Я рассказал о моркинском доме престарелых, после чего начал объяснять:

— Показателем мы взяли не самочувствие, а фенотипический возраст по девяти обычным показателям крови…

— Знаю эту формулу, — нетерпеливо перебил Долматов. — Ее выводили на американцах. Но наши старики не американцы.

— Поэтому абсолютному числу мы и не верим, Матвей Львович, — ответил я. — Смотрим только, как изменился один и тот же человек: точка до, точка после. И оцениваем состояние по объективным показателям, а не по жалобам. Впрочем, жалобы мы тоже записываем, просто не учитываем на данном этапе.

— Почему не учитываете? — вмешался Ремизов.

— Потому что… Вот пример: есть у нас в Морках такой Арсений Лукич Чепайкин. Здоров, как бык. А все по врачам бегал, жаловался. Так что жалобы — не самый верный показатель реального здоровья.

Ремизов кивнув, а Долматов потребовал:

— Тогда пришлите исходные анализы и записи о лечении. Мне нужно знать, что еще менялось у этих людей. В том числе какие лекарства им назначали и отменяли.

— Подготовим обезличенные данные, — ответил я. — Порядок передачи согласуем отдельно.

— И вернемся к работам академика, — сказал он. — Наблюдать за стариками можно и в Морках. Для чего вам нужна лаборатория?

Он это спросил так, словно это я к ним напрашивался.

— Чтобы проверить механизм, которым академик и его научные соратники объясняли изменения организма при старении, — осторожно ответил я. — В их материалах есть задел для такой работы. Если он подтвердится, можно будет искать способ на этот механизм воздействовать.

— Вы об этом статью готовите? — спросил Долматов.

— Да, — не дав мне ответить, влез Терновский. — Мы как раз ее готовим. Но вам я сначала предложил бы поговорить с Сергеем отдельно, и не в такой формальной обстановке. Часов пять, с доской и маркерами для наглядности.

Долматов посмотрел на часы.

— Сегодня не получится, — сказал он с сожалением. — Но завтра утром я буду свободен.

Я едва не согласился. Впервые за все утро речь пошла о том, ради чего стоило сюда ехать. Пришлось напомнить себе, что я сижу рядом с человеком, который работал в одной программе с Лысоткиным.

— Давайте сначала решим, чем я могу с вами делиться, — сказал я. — Потому что в этой работе я не единственный автор.

— Конечно, — ответил Долматов. — Позвоните мне, когда сможете обсудить с нами эти материалы.

— Кстати, а что там за препарат из телевизионного сюжета? — спросила Чернецкая. — Он войдет в программу?

— Вы о корейском пептиде? — уточнил я. — Нет конечно. Его исследуют по другому поводу, к работам академика он абсолютно не относится.

— Я спрашиваю, потому что нам понадобится полный перечень ваших разработок, — пояснила она. — Нужно понимать, какие из них вы готовы передать институту, а какие хотите оставить за пределами программы и кто еще может на них претендовать.

Вот это уже был вопрос по ее части, и я взглянул на Чернецкую через Систему.

Чернецкая Вера Павловна, 64 года

12-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Заинтересованность.

Сокрытое: Расчет.

Биологический возраст: 67 лет.

— С перечнем помогу, — заверил я. — Только научный архив мне доверили для работы. Права распоряжаться им по своему усмотрению у меня нет.

— Кто может дать согласие на его использование? — спросила она.

— Сначала мы с моей командой должны разобраться с каждым материалом, — ответил я. — Там и данные академика, и наша нынешняя работа. Выдать все это за единоличную собственность я не могу. Есть соавторы, есть наследники академика.

— Без документов мы все равно ничего принимать не будем, — сказала Чернецкая. — Но для фонда это вопрос принципиальный. Если программа вкладывает деньги в ваше направление, она должна получить права на результат.

— На какой? — спросил я. — На то, что еще предстоит сделать в институте, или на все, что мы принесем с собой?

— Мы предложим условия по обоим пунктам, — ответила она. — Вы их увидите в проекте.

На минуту мне представилось, как мы с Борькой работаем в собственной лаборатории, где за каждой пробиркой не надо идти с протянутой рукой. Черт… Хорошо же они зашли!

— Сергей Николаевич, — сказал Ремизов, — есть что-то, что мешает вам принять наше предложение? Кроме условий, которые мы еще не успели обсудить.

Прежде чем ответить, я включил эмпатический модуль.

Сканирование завершено.

Объект: Ремизов Аркадий Семенович, 57 лет.

Доминирующие состояния:

— Напряженная сосредоточенность (74%).

— Нетерпение (58%).

Внешне он ничем своего нетерпения не выдавал и спокойно ждал моего ответа. Я попробовал ощутить его глубже, тем способом, которому научился у Пелагеи.

Активирован талант «Глубинная эмпатия».

Воспринято переживание: нетерпение.

На несколько мгновений мне самому захотелось поторопить разговор, добиться ответа сейчас. Я отвел взгляд, чтобы отделаться от чужого чувства. Ремизову явно хотелось уехать с решением, но почему он так спешил, я не знал. Передавать ему что-либо в ответ не стал, потому что успокаивать этого человека было рано.

— Видите ли, Аркадий Семенович, у меня санаторий, — ответил я. — А там сотрудники, которых я сам позвал работать, и пациенты, за которых я отвечаю. Прежде чем брать на себя еще что-то, я должен понять, как буду совмещать работу здесь и в Морках.

— Сергей Николаевич, первый год вы здесь и ночевать будете, о совмещении и речи быть не может, — возразил Долматов чуть резче, чем надо было.

Терновский кивнул. В этом я и сам не мог им возразить.

— Часть работы можно оставить в Морках, — предложила Чернецкая. — Включить санаторий в программу, вложиться в него. Тогда вам не придется разрываться между двумя проектами.

— А принимать решения там кто будет? — спросил я.

— Это зависит от размера вложений и формы участия фонда, — пожала плечами она. — Для начала нам нужно увидеть документы общества и поговорить со вторым участником.

— С Евой Александровной поговорю сам, — сказал я. — Но санаторий как часть сделки сегодня обсуждать не буду. Если я приму ваше предложение, санаторий не перейдет к фонду вместе со мной.

— Мы никого и ничего не покупаем, Сергей Николаевич, — сказал Ремизов. — Я предлагаю вам работу, для которой вы подходите лучше других. А с санаторием нужно найти решение, которое позволит вам полностью уйти в исследования. Подумайте сами, предложите его нам.

Чернецкая сделала пометку.

— Запишите еще два вопроса для договора, — попросил я. — Права на прежние работы мы согласуем отдельно, со всеми, кого это касается. И публикации: я должен знать сроки, когда смогу отправить статью в журнал. Ждать окончания всей программы я не готов. Сами понимаете — в высокорейтинговых журналах очередь до трех лет порой доходит, а если на повторную доработку вернут — еще больше. Ждать же и по вашим срокам столько — вся актуальность исследований утратится.

— Сроки предложим конкретные, не беспокойтесь об этом, — кивнула она. — Но до подачи заявки на патент публикацию нам придется задержать, иначе мы сами себе все испортим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.